

А. О. Манюгина

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

ТАВТОЛОГИЯ И ПОВТОР: ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В живой речи есть явления, которые не полностью соответствуют правилам языка. Иногда их называют речевыми ошибками. Но иногда (особенно в художественной литературе) эти явления становятся частью авторского задания, а потому ошибками считаться не могут. И то, и другое требует изучения. Таковыми явлениями для нас являются, с одной стороны, тавтология, с другой – повтор, прежде всего, лексический. Наша задача – попытаться найти принципы дифференциации этих внешне схожих, но, по сути, очень разных явлений.

Лексический повтор подразумевает собой намеренный повтор слова, фразы или предложения и распространен как в поэзии, так и в прозе. Явление повтора наблюдалось и изучалось как в детском дискурсе, так и в языке взрослых, как в устной, так и в письменной речи, как в языках «примитивных», так и в языках «развитых» культур. Повторение может иметь дидактическую, игровую, эмоциональную, художественную, ритуальную, текстовую и риторическую функции [Johnstone 1994: 25].

Наиболее типичной формой повтора в языке является повторение слова, которое уже было использовано, либо точно в той же форме, либо с некоторыми изменениями. Однако, повтор в тексте может быть реализован и другими способами, например, путем повторения структуры с одновременным наполнением ее новыми элементами. Это явление называется «параллелизм». Кроме того, может повторяться содержание, но не форма или структура, как в «парафразе».

В языке существуют и другие способы повторения содержания или структуры, или и того, и другого, например, «проформа» или «эллипсис» [Zhu 2004: 228]. Связывающая (когезивная) функция повтора в дискурсе была подробно изучена в английском языке Халлидеем и Хасаном под категориями «референция», «субституция», «эллипсис» и «лексическая когезия».

Британский лингвист Майкл Хоуи утверждает, что относительное изобилие и высокая частота лексической связности, а также ее способность формировать длинные цепочки повторов, делают ее «доминирующим способом создания текстуры». Затем он заключает, что «изучение когезии в тексте в значительной степени является изучением моделей лексики в тексте». Следовательно, он утверждает, что «в значительной степени когезия является продуктом лексических отношений (а не грамматических)» [Hoey 1991: 52].

Существует мнение, что любой случай лексического повтора обязательно представляет собой пример тавтологии, но это не так. Проиллюстрируем наше предположение примером из романа ДЖОНАТАНА САФРАНА ФОЕРА «Жутко громко & запредельно близко». Обратимся к данной фигуре речи на конкретном примере:

<p>I thought about calling Mom. I thought about grabbing my walkie-talkie and paging Grandma. I thought about running away and never talking to anyone again. I thought about hiding under my bed. I thought about rushing downtown to see if I could somehow rescue him myself.</p>	<p>Я подумал о том, чтобы позвонить маме. Я подумал о том, чтобы схватить мою рацию и радировать бабушке. Я подумал о том, чтобы убежать из дома и больше никогда ни с кем не разговаривать. Я подумал о том, чтобы спрятаться под кровать. Я подумал о том, чтобы поехать к башням-близнецам и посмотреть, не смогу ли как-нибудь спасти его сам.</p>
---	---

Повествование в романе ведется от лица 9-летнего ребенка, Оскара Шелла, страдающего синдромом Аспергера и потерявшего своего отца во время бомбардировки Торгового центра в Нью-Йорке. В данном фрагменте текста описывается состояние мальчика после того, как он прослушал последние сообщения от своего отца на автоответчике. Оскара одолевает поток мыслей, с которыми он не может справиться, и автор прибегает к использованию повтора, чтобы «сгустить» образ эмоционального напряжения, которое переживает герой, сделать так, чтобы читатель смог сопереживать герою, ощутил определенные эмоции. Кроме того, повторяемость одной и той же речевой формулы, ее монотонность есть синдром конкретного заболевания, синдрома Аспергера, который характеризуется наличием стереотипного, повторяющегося комплекса интересов и занятий, а также речевых формул.

То есть, здесь повтор – это средство реализации авторского задания.

Тавтология – повторение того же самого, чаще всего – другими словами, не уточняющими смысла [Музрукова, 2002: 220], иначе: неоправданная речевая избыточность. Например, высказывание “When we get a pet we will either get a dog or some other animal” является тавтологическим, поскольку любое домашнее животное – это либо собака, либо нет. Другие примеры тавтологии:

<p>The store is giving away free samples.</p>	<p>В магазине раздают бесплатные образцы.</p>
<p>Please prepay in advance.</p>	<p>Пожалуйста, внесите предоплату</p>

	заранее.
The first landing on the moon was unprecedented in history.	Первая высадка на Луну была уникальной в истории.
This nonsense is illogical .	Эта чушь нелогична .

Тавтология утверждает одно и то же дважды, избыточным образом и, таким образом, фактически лишает силы слово или повторяемый аргумент. Относительно редко можно найти тавтологии, которые риторически приемлемы.

Мы постоянно используем тавтологические приемы в повседневной речи, часто не осознавая этого. Каждый раз, когда вы начинаете предложение с “In my opinion, I think...” – «По моему мнению, я считаю, что...» это тавтология, поскольку ясно, что если вы что-то «думаете», это и должно быть вашим мнением.

Таким образом, повтор и тавтология имеют разные цели и выполняют разные функции. Лексический повтор означает использование одного и того же слова или вариации одного и того же слова более одного раза в непосредственной близости (одно предложение, соседние предложения). Повтор обычно используется для создания акцента и наделяет особой силой повторяемое слово или фразу [Водясова, 2012: 38]. Авторами этот прием используется для отображения эмоционального состояния героев, нередко является лейтмотивом целого произведения. Повтор – это авторский прием, а не дефект текста, который при переводе следовало бы опустить. Мы бы сказали, что в повторе семантика повторяемых единиц складывается ($1+1=2$).

В тавтологии же семантика повторяемых единиц «размывается», подвергается приему вычитания ($1+1=1-1=0$).

Тем не менее, есть некоторые примеры тавтологии, которые могут быть приемлемыми. Основная причина, по которой автор целенаправленно использует тавтологические примеры – это юмор.

Приведем некоторые из них:

“If we do not succeed , we run the risk of failure .” – Dan Quayle	«Если мы не добьемся успеха, мы рискуем потерпеть неудачу».
“Smoking can kill you, and if you’ve been killed , you’ve lost a very important part of your life .” – Brook Shields.	«Курение может убить вас, а если вас убили, то вы потеряли очень важную часть своей жизни».

Тавтологические единицы и лексические повторы – весьма разнообразные языковые единицы, наличие которых может быть оправдано в художественном произведении. Это видно в приведенных

примерах. В русском и английском языках, как и в других, единицы избыточности иногда используются в письменной и устной речи для усиления смысла высказывания или для эмоционального воздействия на читателя/слушателя. Необходимо иметь представление как о тавтологии, так и о повторе, чтобы избежать недопонимания или потери предполагаемого эффекта. Это явление традиционно рассматривается в лингвистике как отступление от литературной нормы и понимается как чрезмерное использование в речи экспрессивных средств, служащих для выражения лексического или грамматического значения [Юсубова 2010: 174]. Можно с уверенностью сказать, что более глубокий анализ данных языковых единиц, уточнение значения слов, входящих в их состав, в некотором смысле послужит устранению в будущем случаев отклонения от подобных языковых норм.

ЛИТЕРАТУРА

Водясова Л. П., Жиндеева Е. А. Лексический повтор как текстообразующий компонент и стилистический прием выразительности в художественном пространстве КГ Абрамова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №. 17 (271). С. 37-43.

Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Популярный словарь иностранных слов. М. Азбуковник, 2002. 496 с.

Фоер Д. С. *Extremely loud & Incredibly close* / Жутко громко и запредельно близко. Книга для чтения на английском языке. Litres, 2021. 512 с.

Юсубова Р. Н. и др. Разные принципы в поэтических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. №. 3. С. 174–176.

Foer J. S. *Extremely loud & incredibly close*. Houghton Mifflin Harcourt, 2005. 416 p.

Hoey M. 1991. *Patterns of lexis in text*. Oxford: Oxford University Press. 276 p.

Johnstone B. *Repetition in discourse: Interdisciplinary perspectives*. New Jersey: Alex Publishing. 290 p.

Zhu C. *Repetition and signification: A study of textual accountability and perlocutionary effect in literary translation* // Target. International Journal of Translation Studies. 2004. V. 16. No. 2. Pp. 227-252.